«СОЦИАЛИСТ ПРЕЖДЕ СОЦИАЛИЗМА» (о социально-политических взглядах П. И. Пестеля)

В. Г. Хорос

Декабризм дал немало ярких личностей. Но и между ними выдается фигура Пестеля. Его «особенные способности» признавали и друзья, и недруги. «Дай ему командовать армиею,— говорил его военный начальник граф Витгенштейн,— или сделай его каким хочешь министром, он везде будет на своем месте» [1]. И сами декабристы соглашались, что в их среде «наиболее отличался своими способностями Пестель», «его светлый логический ум управлял нашими прениями» [2].

Личность Пестеля интересна во многих отношениях. Возьмем его политические качества и сразу встает проблема, чрезвычайно важная для российского революционного движения XIX в. (как, впрочем, и для любого революционного движения),— проблема лидерства. Она особенно остра и сложна для нелегальных организаций и тайных обществ, где рядовые члены, «массы» немногочисленны и зачастую вообще отстранены от решения важных вопросов, где нет настоящих условий для демократических процедур и открытой, свободной борьбы мнений. Подобные организации, как правило, держатся немногими. Представитель более позднего поколения революционеров С. М. Кравчинский указывал на необходимость для такой организации элементов, без которых она распадается,— лидеров, не только выделяющихся среди сотоварищей решительностью, более глубоким, чем у сподвижников, пониманием действительности, но и воплощающих в себе тип «нравственного диктатора», человека революционного долга, способного ради дела «растоптать без пощады даже самые нежные сердечные струны своих товарищей» [3]. Обратная сторона медали, однако, состояла в том, что нравственный диктат нередко перерастал в обыкновенный деспотизм, «генеральство», что могло наносить революционному делу огромный урон.

Вот и Пестель — немало соратников упрекало его в «диктаторстве», в том, что «властолюбие было в нем господствующей мыслью» [4]. По-видимому, эти упреки имели под собой основания. Во всяком случае, сам Пестель косвенно признавал их правоту. Чего стоит как-то вырвавшаяся у него фраза, что после участия во Временном правлении, призванном осуществить диктатуру в

России, он предполагает «заключиться» в Киевскую лавру и приняться за веру[5],— так сказать, отмаливать грехи Но при всех чертах властолюбия Пестель, как никто другой, имел основания на лидерство в декабристском движении.

Пестель обладал несомненными качествами революционного вождя. Своей убежденностью, основательностью, дальновидностью он выделялся в декабристской среде. В дебатах с членами тайного общества он по обыкновению выступает против преждевременного «начатия действий»[6]. Еще в Союзе спасения он предлагает вести подготовку революционного выступления солидно — начать не с террористического акта против царя, а с завоевания обществом командных высот в армии и государстве. Он ратует за разработку теории и программы, хочет «енциклопедию написать». И вместе с тем это энергичный деятель, неутомимый организатор, человек, который не останавливается перед решительными действиями. Среди сочленов по тайному обществу он принадлежит к самым последовательным сторонникам идеи цареубийства. Для этой цели он пытается организовать «гвардию обреченных» (garde perdue, или cohorte perdue), поскольку, как считал Пестель, «избранные на сие должны находиться вне общества, которое после удачи своей пожертвует ими и объявит, что оно мстит за императорскую фамилию»[7]. Замысел, несомненно, из разряда макиавеллистских, но весьма практичный с точки зрения политических соображений.

Расчетливость и гибкость практического политика проявлялись в Пестеле неоднократно. Например, в своей «Русской правде» Пестель соглашался предоставить Польше независимость, но оговаривал ее рядом немалых ограничений — верховная власть в Польше должна быть устроена так же, как в России, она была обязана вступить с Россией в тесный союз и т. п.[8] Но когда Южному обществу представилась возможность войти в сношения с польским тайным обществом на предмет совместных действий, Пестель был готов идти на уступки: не только предоставить безусловную независимость Польше, но и присоединить к ней ряд губерний — Минскую, Волынскую, Гродненскую и др.[9] Никита Муравьев в своих показаниях отмечал, что «сношения сии весьма огорчили членов Северного общества, полагавших, что не должно уступать приобретений и собственности России и входить в сношения с иноплеменниками»[10]. Они не понимали, что Пестель, гораздо более ревностный централист и государственник, чем они, шел в данном случае на сознательный политический компромисс.

Этот политический прагматизм, тактическая гибкость и вместе с тем революционная решительность Пестеля страшили многих декабристов. Еще в 1817 г. на заседании, где утверждался устав Союза спасения, он весьма смутил присутствующих словами: «Франция блаженствовала под управлением комитета общественной безопасности»[11]. Но дело было здесь не просто в

чертах макиавеллизма: Пестель последовательнее своих соратников настаивал на неизбежности тех или иных форм насилия в революционной борьбе, необходимости практической ловкости, хитрости, умения маневрировать и тому подобных качеств. «Не должно думать, что мы будем ходить по розанам» [12],— любил повторять он.

Кроме того, он глубоко верил в силу организации, тайного общества революционеров. «La masse n'est rien, elle ne sera que ce que voudront les individus qui sont tout» (масса ничто, она будет поступать так, как захотят личности, за ними вся сила) [13],— сказал он однажды в разговоре с А. В. Поджио. Безусловно, можно усмотреть здесь проявление политического волюнтаризма, субъективизма. Но одновременно здесь— и учет конкретных условий той эпохи, когда трудящиеся низы в политике были «ничем»; это и отражение тех общих закономерностей вынужденного революционного авангардизма передового меньшинства в России, который проходит через все допролетарское освободительное движение.

В данной статье нас, однако, больше будет интересовать Пестель-теоретик, идеолог и мыслитель. И здесь надо сразу же подчеркнуть, что по своим воззрениям Пестель во многих отношениях выходил за рамки декабризма.

С точки зрения глубинных, ценностных и идейно-теоретических основ мировоззрения декабристы были просветителями — сторонниками знания, свободомыслия, антифеодальной направленности. Можно сказать, что декабризм составил одну из самых (если не самую) ярких страниц в истории просветительства в России. По всему складу своей жизни, даже по многим внешним признакам декабристы являли собой ярко выраженный тип радетеля просвещения, энциклопедиста, исследователя-новатора и миссионера культуры. Политическим эквивалентом декабристского просветительства были достаточно последовательный буржуазный демократизм, решимость заменить феодально-монархические институты у себя в стране «разумными» учреждениями по образцу английской или американской буржуазных конституций.

Разумеется, как просветители декабристы уже не могли целиком походить на своих классических предшественников XVIII в. Передовые русские офицеры должны были учитывать сложный опыт Французской революции и последовавшего за ней периода реакции; они, в частности, испытали определенное влияние либерализма эпохи Реставрации (Б. Констан), который явился, в общем, логическим доведением до конца былого просветительства, кристаллизацией его объективного буржуазного содержания. С другой стороны, декабризм обладал такой особенностью,— общей, впрочем, с просветительством в других, более отсталых европейских странах (Германия, Италия, Греция и др.),— как заметный национально-патриотический элемент. Но и этот элемент у декабристов (в отличие, скажем, от последующих славянофи-

лов) был вполне рационален, «разумен». Чувство национальной гордости органически сплавлялось у них с твердым стремлением «пересадить Францию в Россию» [14], «поставить Россию на ту степень просвещения, на которую она имела право по политическому своему положению в Европейском мире» [15]. Короче говоря, просветительство декабристов, несмотря на значительные элементы национально-патриотического облачения, было по преимуществу западническим, а в политическом плане полностью укладывалось в рамки буржуазной демократии и не выходило за них.

Во взглядах Пестеля, конечно, было еще немало от просветительского образа мышления. Например, в согласии с традициями энциклопедистов он считал, что законы «образуют и воспитывают народы, и по ним нравы, обычай и понятия вид свой и деятельность свою получают» [16]. Эти и другие рационалистические постулаты просветительства он воспринимал и доказывал как «математическую истину» [17]. И вместе с тем круг социально-политических идей просветительства, ограничивающегося ориентацией на антифеодальные преобразования и создание основ буржуазного правопорядка, оказывается для него уже тесным. В его воззрениях все более пробиваются антибуржуазные, социалистические тенденции.

Вообще, как показывают некоторые материалы, декабристы начинали входить в соприкосновение с представителями утопического социализма в Европе. М. С. Лунин был знаком с Сен-Симоном. В описи книг Ф. П. Шаховского, взятых им в крепость, значилось сочинение Р. Оуэна «О воспитании в Нью-Лэнарке» [18]. Интересные критические соображения по поводу буржуазного прогресса встречаются у Н. И. Тургенева. Но лишь Пестель, по меткому выражению Герцена, был «социалистом прежде, чем появился социализм» [19]. Он единственный среди декабристов отчетливо фиксирует, что «в современной борьбе между титулованной аристократией и народными массами... денежная аристократия энергично подымает голову и, опираясь на груды золота, вызывая нищету среди неимущих классов, подготовляет миру новые затруднения» [20]. Эта антибуржуазная тенденция проявляется у Пестеля и в критике буржуазных конституций, которые «суть одни покрывала» [21], и в родстве с мелкобуржуазным радикализмом Ж. Сисмонди. Б. Е. Сыроечковский убедительно показал, что в «Социально-политическом трактате» Пестеля тезис об «аристократии богатств» подкреплен положением Сисмонди о том, что показателем истинного богатства страны являются не крупные состояния, но большое число людей умеренного достатка [22].

Идейная перекличка Пестеля с Сисмонди не случайна. Вспомним, что В. И. Ленин характеризовал Сисмонди, основателя «экономического романтизма», как предшественника российских народников. Знаменитый аграрный проект Пестеля, изложенный им в «Русской правде», был определенным предвосхищением народнических концепций. По плану Пестеля вся земля в России разделялась на две половины — частную и общественную.

Последняя составлялась из государственных и конфискованных у крупных помещиков земель и образовывала фонд, из которого оделялись участками «тягла», крестьянские семьи, освобожденные от крепостной зависимости. Эти наделы крестьяне получали «не в полную собственность», а во временное пользование — от «волостного общества», которое периодически должно было производить перераспределение земель.

Нетрудно увидеть в этом пестелевском проекте зародыши будущих народнических программ. Проектируя крупное вторжение в область помещичьей собственности на землю, Пестель фактически пришел к идее частичной национализации земли, к «американскому» пути развития капитализма. Сосредоточив в «волостном обществе» или «волостном управлении» права на переделы крестьянских земель, Пестель, по существу, вопроизвел механизм землераспределения, действовавший в поземельной крестьянской общине. Он и сам, подобно народникам, прямо ссылался на исторические российские традиции: аграрный проект «Русской правды», по его словам, «может большие затруднения встретить во всяком другом государстве, но не в России, где понятия народные весьма к оному склонны и где с давних времен уже приобыкли к подобному разделению земель на две части (т. е. на общинную и частнопомещичью.— *В. Х.*)»[23]. Правда, у некоторых декабристов мы также можем усмотреть приближение к теме крестьянской общины. Конституция Н. М. Муравьева предоставляет государственным, экономическим и удельным крестьянам земли в «общественное (т. е. в общинное.— *В. Х.*) владение»[24]. Но распространение этого принципа на помещичьих крестьян да и вообще вся грандиозная идея освобождения крепостных крестьян с землей, как подчеркивал в своих воспоминаниях А. В. Поджио, «принадлежала Пестелю одному. Это слава, ему одному принадлежащая»[25].

Интересно также, что аргументация Пестеля в пользу своей аграрной программы напоминает народнические рассуждения о «язве пролетариатства». «Чем меньше будет лиц, живущих лишь своим трудом,— писал он,— т. е. чем меньше будет поденщиков, тем меньше будет несчастных»[26]. По своему внутреннему замыслу это была попытка предупреждения роста буржуазных отношений, задержки его — вне зависимости от ее непоследовательной редакции у самого Пестеля (сохранение частных имений) и вне зависимости от реальной осуществимости такой попытки в то время в России.

А антидворянская направленность «Русской правды», беспрецедентная среди декабристов? Пестель предполагал не только отобрать часть земель у помещиков в пользу крестьян, но и оставить в дворянском звании лишь тех, которые «оказали большие услуги отечеству», т. е. произвести своеобразную «чистку» среди дворянства[27]. И здесь Пестель, как мы видим, обгоняет масштабы дворянской революционности.

Не менее ярко выделялся Пестель среди других декабристов

своими политическими взглядами. Иногда, сравнивая «Русскую правду» с конституцией Никиты Муравьева, основное различие между ними усматривают в республиканской направленности первой и монархизме второй. Но это не главная и, скорее, внешняя разница. Ибо, как убедительно показал Н. М. Дружинин, муравьевская конституция была монархической лишь «с формально-правовой точки зрения, но республиканской по своему внутреннему реальному содержанию» [28]. С другой стороны, сам Пестель сделал на следствии любопытное признание, что имел намерение составить главу о верховном правлении в «Русской правде» (главу эту он не успел написать) в двух вариантах — республиканском и монархическом, так, чтобы «любую из них выбрав, можно было бы ... в общее сочинение включить» [29]. Чем объяснялась такая двойственность? М. В. Нечкина полагает, что она была вызвана необходимостью компромисса с членами Северного общества, которые настаивали на созыве Великого собора, а последний мог принять как республиканское, так и монархическое правление [30]. Думается, что такое предположение объясняет вопрос лишь частично. Пестель был человеком принципиальным, никогда не уступавшим в важных вещах. Если же он согласился на две различные редакции изложения будущей политической системы России, то, видимо, прежде всего из тех соображений, что и в той, и в другой сохранялась суть его позиции. В чем же она состояла?

Эта суть хорошо вырисовывается уже в подготовительных работах к «Русской правде» (тем более, что последняя осталась неоконченной), в частности, в «Социально-политическом трактате», который датируется примерно 1820 г. Анализируя предшествующие государственные устройства, Пестель усматривает их коренной порок в том, что «феодальные аристократии», знать и духовенство, всегда стремились стать между монархом и трудовыми сословиями, «дабы всеми силами воспрепятствовать, насколько возможно, открытому союзу монарха с народом» [31]. Необходимо же, наоборот, убрать это ненужное и вредное посредствующее звено, ликвидировать все сословия и превратить их в один «народ», сгруппированный в территориальные «общины» (волости) и объединенный лишь вокруг центральной власти, престола.

Эта конструкция чрезвычайно характерна для Пестеля. Общины уравненных в правах (между собой и перед верховной властью) граждан, скрепленные сильным политическим центром,— такую государственную систему он считал наиболее равновесной, устойчивой, целесообразной и справедливой. Но при одном условии: центральная власть должна неукоснительно соблюдать интересы большинства, народа, на который она опирается, «защищать бедного от притязаний богатого» [32]. Вычленяя в обществе лишь две сферы, два подразделения — «верх» и «низ», Пестель следующим образом определяет их взаимоотношения. У народа есть три вида прав — политические (отношение

к правительству), гражданские (взаимоотношения между людьми, главным образом по делам приобретения и раздела собственности) и частные (когда «дело касается исключительно личности, как, например, свобода печати, свобода религии, свобода промысла» и т. д.). Не смешивать, различать эти права «бесконечно важно», считает Пестель. «Если хотят сделать народ счастливым и помешать замыслам зложелателей, необходимо точно разграничить права политические, гражданские и частные и никогда не затрагивать этих двух последних, чтобы не давать повода к увеличению первых» [33].

Эта схема может показаться на первый взгляд не совсем ясной, противоречивой. В самом деле, с одной стороны, Пестель признает большое значение гражданских и частных прав, рекомендует «никогда не затрагивать» их, чтобы «сделать народ счастливым». Но, с другой стороны, он решительно отделяет личные права граждан от политических. Получается, к примеру, что свобода печати перестает иметь отношение к политической сфере, лишается политического содержания, а стало быть, что весьма существенно, соответствующих политико-правовых гарантий. На что же тогда член общества может использовать свои личные права? Ответ Пестеля прост: на достижение материального «преуспеяния», «пропитания». Вокруг этой оси и должны вращаться все частные права индивидов, равно как и вся машина государства. «Когда Пестель говорит о „благоденствии", „блаженстве", „счастье" государств,— точно подметил Б. Е. Сыроечковский,— он всегда имеет в виду не охрану прав и свободы, не правовые гарантии независимости и уверенности, а обеспеченность существования, материальный достаток, хозяйственное процветание» [34].

Да, но интересы отдельных людей, стремящихся к обеспечению своего «достатка», могут сталкиваться, вызывая социальные конфликты и общественное неравенство. Вот здесь-то и выступает на сцену функция центральной политической власти (в данном случае монархической), которая призвана умерять эти столкновения, обеспечивать более или менее справедливое распределение общественных благ, «защищать бедного от притязаний богатого». Она может гарантировать индивиду различные личные права и свободы, не только «не затрагивать» их, но и всячески поддерживать,— но лишь в той мере, в какой они направлены на получение индивидом «справедливой» доли общественного продукта, владение им и потребление его. Она предоставляет членам общества и определенные политические права (влияние на ход управления, участие в выборах представителей в местные и центральные органы власти, право апелляции в государственные органы),— но опять-таки постольку, поскольку они связаны с решением той же задачи. Короче говоря, общий контроль за функционированием всего общественного механизма и право окончательного решения в каждом конкретном случае политический центр оставляет за собой.

Но то, что такой порядок будет означать известное ограниче-

ние прав индивида с точки зрения «нормальных» буржуазных конституций, Пестель мог возразить: зато будет обеспечена социальная справедливость. Выиграет не только народ, материальные интересы которого будут защищены, но и правительство — в смысле стабильности, прочности своего политического положения. Удовлетворив личные права (т. е. материальные нужды) населения, правительство тем самым не будет «давать повода к увеличению» политических прав, иначе сказать, возникновению политической оппозиции. В этом и состоит глубинный смысл пестелевской теории разграничения прав.

В «Социально-политическом трактате» она была реализована в форме своеобразной «демократической монархии». Затем Пестель, наблюдая европейские события и активное противодействие королей революционным движениям, начинает склоняться к республиканской форме правления. Но основная идея всеопределяющего политического центра остается неизменной. И. Д. Якушкин вспоминает о данном периоде, когда «Пестель замышлял республику в России, писал свою „Русскую правду“ Некоторые отрывки из „Русской правды“ он читал Киселеву, который ему однажды заметил, что царю своему он предоставляет уж слишком много власти. Под словом „царь“ Пестель разумел исполнительную власть» [35].

Теперь становится ясным, почему послереволюционное политическое устройство в «Русской правде» Пестель мог предполагать в двух вариантах. Будет ли на троне подставной, существенно ограниченный в своих правах император (декабристы предлагали не только Константина, но и вдову Александра I Елизавету Алексеевну), либо будет заседать Учредительное собрание — в любом случае им предусматривалось наличие сильной исполнительной власти, держащей в руках все нити правления. Теперь выявляется и кардинальное различие между проектами Никиты Муравьева и Пестеля. В отличие от Муравьева, в центре политического построения которого был положен принцип правового обеспечения личности, Пестель, по справедливой характеристике Н. М. Дружинина, «вдохновляется другим идеалом — всемогущего организованного государства, которое жертвует интересами отдельного гражданина во имя „наибольшего благоденствия“ народного целого» [36]. Различие состояло и в социально-классовой ориентации — в одном случае на дворянско-буржуазные верхние слои, в другом — на мещанские и крестьянско-патриархальные низы.

Номинально в «Русской правде» мы находим провозглашение почти всех тех же буржуазных свобод и прав человека, какие имеются в конституции Муравьева (свобода личности, совести, слова, печати, хозяйственной деятельности и пр.). Но многие из них сопровождаются такими оговорками, которые в значительной мере ограничивают или даже попросту обесценивают их. Объявляя право собственности «священным и неприкосновенным», Пестель вслед за тем добавляет: «Ежели кто собственности своей

лишен быть должен для блага общего, то надлежит к тому приступить не иначе как когда полномерное существует убеждение в том, что благо общее неминуемо того требует»[37]. Ясно, что в таком контексте о реальной гарантии собственности не может быть речи.

О свободе печати в проекте Муравьева говорится четко и недвусмысленно: «Всякой имеет право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оные посредством печати своим соотечественникам. Книги, подобно всем прочим действиям, подвержены обвинению Граждан пред судом и подлежат присяжным»[38]. Пестель же, вводя «свободное книгопечатание», обусловливает его таким, например, «правилом»: «Всякое учение, проповедывание и занятие, противные законам и правилам чистой нравственности, а тем еще более разврат и соблазн вводящие, должны совершенно быть запрещены»[39] Это уже, как нетрудно заметить, иной поворот дела.

Объявляя «свободу вероисповедания», Пестель одновременно провозглашал «господствующею верою великого государства российского» православие; хотя другие религии «дозволяются», но все «действия иноверных законов», которые «противны духу законов христианских», запрещаются[40]. Точно так же, декретируя «свободу промышленности» и всякой другой деятельности, Пестель одновременно не допускает, скажем, частных лиц до заведения «пансионов ни других учебных заведений»[41]. Ничего похожего мы не находим у Муравьева.

Особенно разителен контраст в отношении к такому «эталонному» буржуазному праву, как свобода собраний. У Муравьева сказано ясно: «Граждане имеют право составлять всякого рода общества и товарищества, не испрашивая о том ни у кого позволения ни утверждения: лишь только б действия оных не были противузаконными»[42], т. е. опять-таки, ограничение связано лишь с законом и судом. Что же касается Пестеля, то один из вождей тайного общества декабристов прямо постановлял: «Всякие частные общества, с постоянною целью учрежденные, должны быть совершенно запрещены,— хоть открытые, хоть тайные, потому что первые бесполезны, а последние вреды»[43]. И это было вполне логичным: если во главу угла поставлен единый и неделимый политический центр, то естественно позаботиться о всемерном ограничении возможностей проявления политической оппозиции.

Централизаторский, авторитарный характер пестелевского правления проявляется и в решении национального вопроса. Отношения между большими и малыми народами и государствами, по Пестелю, определяются «правом народности» (т. е. стремлением малых народов, находящихся в окраинных районах большого государства, к политической независимости и одновременно их способностью сохранить эту независимость) и «правом благоудобства» (т. е. стремлением большого государства к тому, чтобы «силы маленьких народов, его окружающих, умножали силы соб-

ственные его, а не силы какого-либо другого соседственного государства»). Применительно к России Пестель отдает решительное предпочтение «правилу благоудобства». Поэтому Финляндия, Эстляндия, Лифляндия, Курляндия, Грузия, весь Кавказ и т. д. «подлежат все правилу благоудобства долженствуя при том навеки отречься от права отдельной народности» [44].

Пестель считал необходимой политику последовательной руссификации всех народов — чтобы «господствовал один только язык российский», а различные «имена», названия народностей «были уничтожены и везде в общее название русских воедино слиты» [45]. Некоторые «буйные» кавказские народы он даже предлагал «силою переселить во внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям» [46]. В результате, по его мнению, «все различные племена, в России обретающиеся, к общей пользе совершенно обрусеют и тем содействовать будут к возведению России на высшую ступень благоденствия, величия и могущества» [47].

Фиксируя эти сильные элементы централизаторства и регламентации, проходящие через «Русскую правду», необходимо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, «Русская правда» была не конституцией в собственном смысле слова, а наказом для Временного верховного правления, которое, по замыслу Пестеля, должно было функционировать в переходный период после совершения революции. На опыте Французской революции и последовавших за ней революционных событий в других странах Пестель приходит к выводу, что «все происшествия в Европе, в последнем полустолетии случившиеся, доказывают, что народы, возмечтавшие о возможности внезапных действий и отвергнувшие постепенность в ходе государственного преобразования, впали в ужаснейшие бедствия и вновь покорены игу самовластия и беззакония» [48]. Поэтому в преобразовании политического строя России необходима «постепенность», временная диктатура,— ибо прежняя власть уже скомпрометировала себя, а сразу перейти к парламентской демократии невозможно, поскольку «начала представительного верховного порядка в России еще не существуют» [49]. Пестель полагал необходимым продолжительность временной власти «не менее десяти лет». В течение данного, а возможно, и большего периода в стране должна была полностью распоряжаться группа лиц (в основном самих декабристов и доверенных их людей), которая железной рукой вводила бы основания нового социально-политического порядка, немало ограничивая при этом права отдельных граждан. Эти ограничения касались всех, но главным острием направлялись против помещичьей и буржуазной верхушки. Об этих «аристократиях» в «Русской правде» прямо говорится, что необходимо не только таких социальных групп «не допускать», но и «уничтожить, ежели они где-либо существуют», ибо цель государства состоит «не в пристрастии к малому числу, но в елико возможно благоденствии многочисленнейшего количества людей» [50].

Во-вторых, контролируя и ущемляя политические и гражданские права, Пестель взамен предлагал «многочисленнейшему количеству» населения определенные материальные выгоды: наделение землей. Аграрный проект Пестеля теснейшим образом сопряжен с его политической конституцией. Именно раздача общественных земель, по его словам, превратит волость в настоящее «политическое семейство». Каждый гражданин у Пестеля отправляет свои политические функции только в волости (общине), избирая выборщиков в «наместные собрания» губернии, а последние уже избирают депутатов в Народное вече. Раздача общественных земель, доказывал автор «Русской правды», свяжет взаимными интересами всех членов общины-волости, а, кроме того, «посредством политического своего семейства будет каждый гражданин сильнее к целому составу государства привержен и, так сказать, прикован. Каждый будет видеть, что он в государстве находится для своего блага, что государство о благоденствии каждого помышляет» [51].

Пестель не сомневался, что, если временная верховная власть сумеет ввести такой порядок, постепенно станет возможным переход к республиканскому правлению, поскольку, во-первых, члены общин научатся выбирать таких людей, которые обеспечивали бы их материальные интересы, и, во-вторых, удовлетворенное в своих материальных нуждах и освобожденное от «зловластия» дворянства и других богатых людей население не будет стремиться — через своих депутатов или на выборах их — колебать существующие политическое устройство и его основополагающие принципы. «...Так называемая чернь...— писал он в „Русской правде,— производит беспорядки только тогда, когда ее угнетают или когда богатые ее подкупают и волнуют; сама же она пребывает всегда в спокойствии» [52].

Такова была политическая модель Пестеля — авторитарная по своим методам и демократическая по своему стремлению к удовлетворению материальных интересов трудящегося большинства. И в том, и в другом ракурсе она далеко отходит от политических построений других декабристов. Что это — утопия или смелый план оригинального социального реформатора? Думается, и то, и другое вместе. «Русская правда» причудливо сочетает: антифеодальную направленность и одновременно отрицание, непонимание прогрессивности буржуазного строя по сравнению с докапиталистическими обществами («аристократия богатств», по словам Пестеля, «гораздо вреднее аристократии феодальной» [53]); готовность к решительной ломке старого государственного аппарата и вместе с тем склонность к какому-то всеохватывающему централистско-бюрократическому системосозиданию и контролю; объективный буржуазный характер ряда лозунгов (поощрение собственности, «свободы промышленности» и др.) с явной антибуржуазной настроенностью и элементами уравнительности и регламентации.

Проект Пестеля, безусловно, был утопичен с точки зрения его

реальной осуществимости в условиях того времени. И вместе с тем «Русская правда» производит впечатление своеобразной цельности и стройности, она внутренне очень логична и в чем-то даже практична. Вся политическая конструкция Пестеля во многом «российская», в ней учтен ряд характерных черт национальной истории и отечественного социально-политического климата, например уравнительно-общинные устремления крестьянства, царистские иллюзии народа, привычка к единой сильной власти, великодержавие. «...Он знал дух своей нации» [54],— отмечал Герцен, особенно хваля Пестеля за его аграрную программу.

Среди декабристов Пестель, пожалуй, был единственным человеком, синтезировавшим — в своей идее временной военной диктатуры — опыт Великой французской революции и условия российской ситуации. Но, решив одну проблему, он сталкивался с другой, которую пытался решить еще Радищев,— с проблемой опасности перерождения военного правления в единовластие бонапартистского, деспотического типа.

Пестелевская идея военной диктатуры вызвала в среде декабристов резкие возражения — пример Кромвеля или Наполеона они знали не хуже Радищева. «По вашим словам,— возражал П. И. Борисов сторонникy пестелевских идей М. П. Бестужеву-Рюмину,— революция будет совершена военная одни военнные люди произведут и утвердят ее. Кто же назначит членов Временного правления? Ужели одни военные люди примут в этом участие? По какому праву, с чьего согласия и одобрения будет оно управлять десять лет целою Россиею? Что составит его силу, и какие ограждения представит в том, что один из членов вашего правления, избранный воинством и поддерживаемый штыками, не похитит самовластия?» [55]. Аналогичные тревоги не были чужды К. Ф. Рылееву. Сам же Пестель, по-видимому, никаких особенных опасений не испытывал. Как деятель практического склада, он полагал, что в условиях России без максимальной концентрации власти — в данном случае в руках военных — произвести общественный переворот немыслимо. Но история не дала декабристам возможности проверить эту перспективу на практике.

Подводя краткий итог сказанному, заключим так. Стремление опереть государственную политику на удовлетворение материальных нужд большинства за счет ущемления меньшинства, контуры частичного «черного передела», идея революционной диктатуры, демократизм, вырастающий из централизма и наоборот,— все эти идеи Пестеля, хотя и, безусловно, опережали свое время, но заключали в себе элементы предвидения будущего, идеи и лозунги последующего революционного процесса в России. Можно сказать, что декабристский «социалист прежде социализма» явился фигурой симптоматичной. Хотя «Русская правда» на многие десятилетия оставалась неизвестной, ее автор как бы прочертил будущие трассы, которые, в частности, в народничестве становятся уже исторической реальностью.

[1] См.: *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 501.
Записки Н. В. Басаргина. Пг., 1917. С. 3, 10.
[3] Цит. по кн.: *Володин А.* Революция, литература, нравственность // *Степняк-Кравчинский С. М.* Избранное. М., 1972. С. 9.
Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов. Киев, 1906. С. 207, 214.
Восстание декабристов (далее — ВД): Документы. М., 1980. Т. 17. С. 41.
[6] *Сыроечковский Б. Е.* Из истории движения декабристов. М., 1969. С. 174.
[7] *Павлов-Сильванский Н.* Декабрист Пестель перед Верховным уголовным судом. Ростов н/Д., б. г. С. 66.
[8] См.: ВД. М., 1958. Т. 7. С. 123.
[9] См.: *Павлов-Сильванский Н.* Указ. соч. С. 110—111.
[10] *Довнар-Запольский М. В.* Указ. соч. С. XXIV.
[11] Записки князя С. П. Трубецкого. СПб., 1907. С. 13. Здесь Пестель, очевидно, имел в виду Комитет общественного спасения.
[12] Цит. по кн.: *Лебедев Н. М.* Пестель: Идеолог и руководитель декабристов. М., 1972. С. 63.
[13] *Довнар-Запольский М. В.* Указ. соч. С. 211.
[14] *Розен А. Е.* Записки декабриста. СПб., 1907. С. 57.
[15] Записки князя С. П. Трубецкого. С. 80.
[16] ВД. Т. 7. С. 138.
[17] Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 23.
[18] См.: *Семевский В. И.* Указ. соч. С. 224.
[19] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1956. Т. VII. С. 200.
[20] ВД. Т. 7. С. 298. Отметим, однако, что тезис о денежной «аристократии» не может считаться абсолютным приоритетом Пестеля. Еще Робеспьер говорил в Учредительном собрании, что «самая невыносимая из всех — аристократия богатых, гнету которых вы хотите подчинить народ, только что освободившийся от гнета феодальной аристократии»; точно так же против «аристократии богачей» выступал в газете «Друг народа» Ж.-П. Марат. (См.: *Манфред А. З.* Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1979. С. 304—305). Не исключено прямое влияние этих идей на Пестеля, внимательно изучавшего документы Французской революции. Во всяком случае, здесь, несомненно, действовала общеевропейская тенденция «предварения» утопического социализма его отдельными предтечами, «социалистами прежде социализма».
[21] ВД. М.; Л., 1927. Т. 4. С. 91.
[22] См.: *Сыроечковский Б. Е.* Указ. соч. С. 206—207.
[23] ВД. Т. 7. С. 184.
[24] *Дружинин Н.* Декабрист Никита Муравьев. М., 1933. С. 323.
[25] *Поджио А. В.* Записки декабриста. М.; Л., 1930. С. 56.
[26] ВД. Т. 7. С. 301.
[27] См.: *Лебедев Н. М.* Указ. соч. С. 147—148.
[28] *Дружинин Н.* Указ. соч. С. 224.
[29] ВД. Т. 4. С. 87.
[30] См.: ВД. Т. 7. С. 69.
[31] Там же. С. 296.
[32] Там же. С. 300.
[33] **Там же.**
[34] *Сыроечковский Б. Е.* Указ. соч. С. 193.
[35] Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. С. 37.
[36] *Дружинин Н.* Указ. соч. С. 112.
[37] ВД. Т. 7. С. 196.
[38] *Дружинин Н.* Указ. соч. С. 322.
[39] ВД. Т. 7. С. 204.
[40] Там же. С. 137, 205.
[41] Там же. С. 294.
[42] *Дружинин Н.* Указ. соч. С. 324.
[43] ВД. Т. 7. С. 204.
[44] Там же. С. 121, 122.
[45] Там же. С. 149.

[46] Там же. С. 144.
[47] Там же. С. 150.
[48] Там же. С. 118.
[49] Там же.
[50] Там же. С. 152, 179.
[51] Там же. С. 187.
[52] Там же. С. 192.
[53] Там же. С. 152.
[54] *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 7. С. 200.
Горбачевский И. И. Записки. Письма. М., 1963. С. 23.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-НЕМЕЦКИХ ФИЛОСОФСКИХ СВЯЗЕЙ 40-70-Х ГОДОВ XIX В.

А. И. Володин

Одним из важных направлений марксистского историко-философского исследования является изучение межнациональных философских отношений, без чего невозможно ни создание более или менее достоверной картины развития философии в той или иной стране, ни в достаточной степени точное установление каких-то общих черт, тенденций историко-философского процесса в целом.

Весьма насущным это направление исследований является и для историков отечественной философии.

Во-первых, потому что на протяжении всей истории, и особенно в XVIII—XIX вв., философию в России отличало поразительное богатство контактов — разной силы и характера — с самыми различными течениями (разумеется, персонифицированными в конкретных мыслителях) зарубежной, для нового времени преимущественно западноевропейской, философии.

Во-вторых, потому что при трактовке рассматриваемой проблемы, проблемы взаимосвязи философии в России и зарубежной философии, в разное время имели место попытки, причем весьма многочисленные, превратного ее истолкования.

Такого рода истолкование выступало в двух видах. Оно выражалось либо в *сведении* отечественной философской мысли нового времени к ее «закордонным» истокам, либо, напротив, в *отрыве* отечественной философии от этих ее истоков [1].

Было бы, по-видимому, преждевременно говорить сегодня о том, что в нашей науке [2] такого рода тенденции в рассмотрении данной проблемы вполне преодолены. Время от времени они обнаруживают себя с достаточной определенностью: то в непонятном опасении, что указание на «иноземные» учения как источник философского творчества отечественных мыслителей может их как-то унизить, затмить их оригинальность, то, напротив, в невольной недооценке вклада передовых русских мыслителей в сокровищницу мировой философии.